

В 2020 году исполнилось 85 лет со дня выхода в свет романа Антона Макаренко «Педагогическая поэма», который в одночасье стал мировым событием, был переведён на 18 языков народов СССР и на 36 иностранных. М. Горький писал о романе: «Это истинная педагогическая поэма, вдохновенная книга о переделке психики. Она, как “Эмиль” Жан Жака Руссо, — ступень в развитии науки о воспитании». Работая над статьёй, спросил у своих знакомых: известна ли им книга Антона Макаренко «Педагогическая поэма»? Люди пожилые ответили — да. А молодёжь — двое студентов — задали встречный вопрос: кто это? Посоветовал прочитать.

Случилось так, что кино «Педагогическая поэма» (Киевская киностудия художественных фильмов, 1955) я посмотрел раньше, чем прочитал книгу. Точнее, именно фильм и подсказал её прочитать. Фильм и книга пришлись по душе, хотя после книги я более критично оценил фильм, найдя в нём немало несоответствий. Первое — возраст героев. В книге они ещё дети, подростки или юноши. В кино, в основном, мужчины лет за двадцать или даже под тридцать. Второе, в книге множество героинь — девочек и девушек, в кино — ни одной. Точнее, только одна в эпизодической роли (Н. Крачковская). В-третьих, в книге нет столько действующих лиц, разговаривающих на «украинской мове», как в кино.

Впрочем, это и понятно, — вся жизнь героев проходит на Украине. Важно то, что украинскую мову не нужно переводить на русский — всё и так понятно, если не дословно, то по смыслу, о чём идёт речь.

А речь о том, что после Первой мировой и Гражданской войн в Советской стране более 6 миллионов детей оказались беспризорными, сиротами, уличными попрошайками, ворами. Дети бедных и богатых, красноармейцев и белогвардейцев лишились родительского крова и стали никому не нужны. Многие из них умирали от голода и болезней. Большая часть нравственно искалеченных подростков, юношей и девушек нигде не училась и не работала. Адова жизнь! Немало пожившие негодяи развязывают войну, а жертвами её чаще всего становится молодёжь и дети. Постреволюционная реформа образования в разорённой стране упразднила гимназии, реальные училища, церковно-приходские и земские школы. Вместо них была декларирована так называемая Единая трудовая школа. В ней отменялись учебные планы и отсутствовала программа. Учителей выбирали ученики и родители и был введён «бригадный метод обучения», т. е. без учителя и урока. Дети сами осмысливали какую-то тему или предмет, а потом находился кто-то один, кто шёл сдавать зачёт за весь класс. Многие школы не удержали в своих стенах учеников, не смогли найти в резко изменившейся обстановке необходимые средства, и дети оказались на улице. Требовались неотложные меры для спасения подрастающего поколения, и главная забота о нём, как во все катастрофические времена, легла на плечи педагогов. Одним из них оказался А.С. Макаренко.

Антон Семёнович родился 1 марта 1888 года в селении Белополье Харьковской губернии. Отец — Семён Григорьевич Макаренко — работал маляром вагонных железнодорожных мастерских. Будучи простым рабочим, интересовался литературой, выписывал из столицы художественно-публицистический журнал «Нива», читал научные книги. Честный и добросовестный, он требовательно относился к себе и к своим детям и сумел

Антон Семёнович
Макаренко

воспитать в них эти необходимые для роста и развития качества. Мать, Татьяна Михайловна (в девичестве Дергачёва) — дочь солдата из города Николаева — удачно дополняла своего сдержанного, внешне сурового мужа. Она была живой и одарённой натурой, заботливой матерью и рачительной хозяйкой, талантливой рассказчицей — настоящим мастером устного жанра. На фотографии 1913 года супруги Макаренко имеют вполне аристократический вид: Татьяна Михайловна в чёрной длиннополой юбке, белой изящной кофточке, в модном на то время небольшом колье, с красивой причёской. Семён Григорьевич — с профессорской, седой бородой, при галстуке и роскошном сюртуке — глава, да и только.

У них родилось пятеро детей — Серафима, Александра, Наталия, Антон и Виталий. Серафима и Наталия умерли в младенчестве. Александра, которая была старше Антона на 10 лет, ушла из жизни в 1942 году. Семья Макаренко по месту рождения и проживания украинская, по языку и душевному укладу — русская. Антон Семёнович в период усиленной украинизации, чтобы не быть уволенным, в анкетах — в графе «национальность» — писал «украинец». Его младший брат Виталий в своей книге «Мой брат Антон Семёнович» пишет: «...несмотря на своё украинское происхождение, Антон был 100% русским». Сам Антон Семёнович в письме из Харькова от 5 октября 1932 г. своему старшему другу и литературному учителю М. Горькому признавался: «Дорогой Алексей Максимович, (...) я всегда был русским человеком, а Москву я люблю».

Антон с детства страдал близорукостью, носил очки, что вызывало насмешки у его сверстников. К тому же рос болезненным и хилым и часто становился объектом издевательств не только старших ребят, но и ровесников.

Родители понимали, что детям необходимо обучение, и семья переехала в Крюков — пригород Кременчуга, который ныне в его составе. В 9 лет Антон поступил в начальное железнодорожное училище. Здесь он учился отлично, был начитанным и сообразительным мальчиком, однако это не добавило ему авторитета среди одноклассников, — они по-прежнему видели в нём слабака-очкарика, и не более.

Училище юный железнодорожник окончил первым учеником. Затем учёба в однопрофильном четвероклассном училище.

Мальчик открыт миру и всему в нём хорошему. У него прекрасный слух, он учится играть на скрипке и поёт в училищном хоре. Изучает изобразительное искусство и хорошо рисует. Он ходит в театр и участвует в импровизированных училищных спектаклях. С особой страстью занимается бегом и гимнастикой, иной раз даже заменяет на уроке физвоспитания учителя. Наверное, именно тогда он почувствовал, что хотел бы стать учителем.

Особое место в жизни подростка занимали книги, прежде всего русская классика, собранная отцом. Он читал Гоголя, Чехова, Лескова, Горького, помнил наизусть множество стихотворений Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Исключительную роль сыграли в его судьбе творчество и личность Максима Горького, который, со своей глубокой верой в человека, стал для него не только первым писателем, но и учителем жизни...

После училища Антон окончил в Кременчуге одногодичные педагогические курсы и стал преподавать в том же учебном заведении. Но чувство физической ущербности не покинуло его, а лишь усилилось. Нередко он подумывал о досрочном уходе из жизни, даже признался в этом на исповеди священнику П. Григоровичу, и тот принял деятельное участие в судьбе юноши. Он вёл с ним вещице, построенные на любви к жизни и к людям разговоры, иногда присылал к Антону свою жену, Елизавету Фёдоровну, отличавшуюся глубиной понимания и женской чуткостью. Привело это к тому, что он влюбился в жену священника, которая была старше него на 8 лет. Она ответила взаимностью, перестала чувствовать себя попадъёй и сделалась гражданской женой Макаренко. Отец Антона был против подобных отношений и, чтобы не смущать других членов семьи, приказал ему поселиться отдельно. Антон не отказался от своей возлюбленной, и они тут же переехали в Полтаву. А несколько лет спустя Елизавета Фёдоровна стала педагогом в возглавляемой Антоном Семёновичем колонии, и здесь постепенно завершились их близкие отношения, став официальными. Одной из причин явилось то, что Антон Семёнович с годами всё больше и больше влюблялся в женщин, находя в них отдохновение от трудов своих и черпая силы для дальнейшей педагогической деятельности.

В 1914 он легко сдал экзамены и поступил в только что открывшийся Полтавский учительский институт, который окончил с золотой медалью.

Умный, впечатлительный молодой человек, читая книги и размышляя о жизни, внимательно вглядывался в окружающих его людей, задумывался об их поступках, и свои мысли и чувства стал выражать в «письменной форме». Первый свой рассказ он написал, будучи студентом, и назвал его «Глупый день». Герой рассказа, молодой человек, переживает тяжёлую драму, влюбившись в жену попа. Сочинитель обрадовался, что «вышло так складно», и решил отправить рассказ своему любимому писателю Максиму Горькому. Он ждал, что знаменитый художник слова похвалит его и пожелает удачи на творческом пути. А писатель в ответном письме безжалостно раскритиковал автора и никак не напутствовал его. Антон тогда ещё не знал отношения М. Горького к молодым авторам, который говорил, что, если начинающий писатель дал тебе свой рассказ, прочитай и высеки его. Если снова дал — снова высеки. Пишет? Пускай пишет!

Неудача с первым рассказом надолго отбила желание Макаренко продолжать литературные занятия. Тринадцать лет он не писал, но постоянно вёл записные книжки и мечтал о художественном творчестве... (Мой отец И.Я. Сабилло — мастер производственного обучения железнодорожного училища — когда-то изрёк: «Талант, как шило, обязательно где-нибудь вылезет». А подруга моей тётки Маруси — концертмейстер Белорусской консерватории В.Е. Дрейзина — возразила: «Или — как чернила, не используешь — высохнут»).

Во время Первой мировой войны Макаренко был призван в армию, но по слабости зрения и при содействии брата Виталия, к тому времени русского офицера — поручика, был демобилизован. Возможно, именно это сохранило жизнь будущему педагогу и писателю... Судьбе угодно было разделить братьев. Как белогвардейский офицер, воевавший в армии Деникина, Виталий в 1920 году эмигрировал во Францию и прожил там всю жизнь. А его дочь Олимпиаду, которая родилась уже без него и осталась в России, удочерил и воспитал Антон Семёнович. С братом он переписывался не часто и тайно. Виталий Семёнович посоветовал ему ввести военную подготовку воспитанников. Макаренко прислушался к его совету и стал применять отдельные воинские методы воспитания колонистов. Он говорил: «Военизация позволяет воспитать движение. А движение — это не такой пустяк. Уметь ходить, уметь стоять, говорить, уметь быть вежливым — это не пустяк. Можно не сомневаться, что такой коллектив производит сам на себя впечатление коллектива обещающего».

Мировой истории известен ряд выдающихся педагогов¹.

В 1988 году ЮНЕСКО приняла решение о Международном признании четырёх педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX веке: русский Антон Макаренко; итальянка Мария Монтессори; немец Георг Кершенштейнер, который считал, что профессиональное, а не общее образование должно быть основой обучения и «золотыми воротами» в культуру и человечество. Он утверждал: только человек, что находит себя благодаря своей работе, может в процессе своего развития стать действительно

¹ Не углубляясь в древние века, назовём несколько имён относительно близкого к нам времени. Вольфганг Ратке (1571–1635) — немецкий педагог, который впервые употребил термин «дидактика» (с греч. «поучающий») — один из основных разделов педагогики, исследующий проблемы обучения. Он даёт ответы на вопросы «Чему учить и как учить?». Ян Амос Коменский (1592–1670) — знаменитый чех, «основоположник педагогики нового времени». Его дидактические принципы: научности, наглядности, сознательности и активности; постепенности и систематичности знаний; постоянных упражнений и прочного овладения знаниями и навыками. Коменский в своей книге «Великая дидактика» говорит о «всеобщем искусстве всех учить всему». Он утверждает, что обучение детей должно строиться на совершенствовании их нравственности и воспитании благочестия. Генрих Песталоцци (1740–1827) — швейцарский педагог, учёный, писатель. Он считал, что цель школы — единство умственного, нравственного и физического развития детей, а также их основательная подготовка к труду. В 1774 г. Песталоцци организовал приют для бездомных детей и сирот. Деньги на его содержание зарабатывали сами дети. Но просуществовало это заведение всего 6 лет и было закрыто из-за нехватки средств. Песталоцци считал, что искусство воспитателя можно сравнить с искусством садовода, — ребёнка сама природа наделила необходимой для жизни силой, которую следует лишь развить, укрепить и направить в нужное русло. Константин Дмитриевич Ушинский (1823–1871) — русский педагог, писатель, основоположник научной педагогики. В своей блистательной по исполнению книге «Первые уроки логики» он изложил такие основные правила и понятия, как сравнение, различие и сходство, суждение, роды и виды, признаки, определение, причины и следствия и др. Он утверждал, что педагогика не наука, а искусство — самое обширное, сложное, самое высокое и самое необходимое из всех искусств. Однако другой известный педагог, итальянка Мария Монтессори (1870–1952), отвергая всяческие наказания, соглашалась с тем, что методы принуждения к детям всё же могут применяться — например, изолируя шалунов в углу, вдали от других детей. В своих книгах «Педагогическая антропология» и «Метод Монтессори» она делает упор на развитие собственной инициативы и естественных способностей ребёнка путём практических игр.

культурным человеком; американец Джон Дьюи (1859–1952) — основоположник прагматической педагогики. Он настаивал на том, что обучение должно происходить путём опытного познания окружающей действительности. Лишь путём исследования окружающего мира учащийся проявит желание дальнейшего самообразования. Нельзя не назвать также имя ещё одного выдающегося русского педагога — Петра Францевича Лесгафта (1837–1909) — биолога, анатома, антрополога, врача, создателя научной системы физического воспитания. Глубокие анатомические исследования позволили учёному сделать вывод, что многие заболевания можно лечить не лекарствами, а с помощью физических упражнений. И, пожалуй, главным в педагогической системе П. Лесгафта является учение о единстве физического и духовного развития личности. Учёный рассматривал физические упражнения как средство не только физического, но и нравственного, интеллектуального и эстетического развития человека. Он говорил: «Нельзя ребёнка сделать человеком, а можно этому только содействовать и не мешать, чтобы он сам в себе выработал идейного человека и стремился бы в жизни руководствоваться идеалом».

Знал ли это Антон Семёнович Макаренко, начиная свою педагогическую деятельность? Вероятно, не всё, но многое. Он понимал, что для подростка естественно стремление к знаниям. И ошибается тот, кто полагает, что его можно насильственными способами и наказаниями принудить к учению и знанию. Судя по его публицистике и литературным произведениям, он был теоретически подготовленным человеком и свои знания успешно применял на практике. А практика была необычной для педагога. Тяжёлое экономическое положение страны, бедность и неприкаянность после жесточайшего военного периода, разруха и голод, эпидемия испанки и тифа диктовали её руководству необходимость решительных мер для создания приемлемых условий существования. Прежде всего для спасения детей. Срочно открываются общеобразовательные школы и учебные заведения, дающие профессиональную подготовку. Особой заботой новых властей стало упорядочение жизни малолетних правонарушителей. В тюрьму их нельзя — не тот возраст. В обычную школу невозможно — они в ней всё поставят с ног на голову. Нужны детские воспитательные учреждения, в которых, уж если не образумить, то, по крайней мере, продержат их до совершеннолетия.

В 1917–1919 г. Макаренко возглавлял педагогический коллектив железнодорожного училища при Кременчугских вагонных

мастерских, которое когда-то сам окончил и которое было на хорошем счету у губернских властей. Кроме того, он являлся актёром в любительской труппе театра с экзотичным названием «Корсо»². И вскоре Антона Семёновича вызвали в полтавский Губнаробраз, где поручили создать трудовую колонию для несовершеннолетних правонарушителей в селе Ковалёвка, вблизи Полтавы. Первое, что потребовал Макаренко, — убрать традиционную для таких учреждений охрану. Колонисты могли сделать самостоятельный выбор, податься ли снова на «вольные» хлеба — бродяжничать, попрошайничать, воровать — или оставаться здесь и заниматься трудом, обеспечивая себя всем необходимым. Подавляющее большинство выбрало труд.

Поначалу колония именовалась «Колония для дефективных». Макаренко не удовлетворило столь упрощённое и даже оскорбительное название детского учебного заведения, и во всех официальных и неофициальных бумагах, а также в устной речи он стал называть его «Полтавская трудовая колония имени Горького». Писатель, в то время проживавший за границей, был рад узнать об этом и решил обязательно посетить колонию, когда вернётся в СССР. Так и было. В 1928 году он приехал туда, несколько дней жил в обществе Макаренко, педагогов колонии и её воспитанников и был до слёз тронут и восхищён умным, созидательным порядком, царившим в этом детском учреждении, и товарищескими, уважительными отношениями между его воспитанниками. Он понял и высоко оценил метод воспитания, который учит юные души самостоятельному постижению как начальных, так и высших смыслов человеческого бытования и даёт элементарные навыки для жизни в коллективе. Он был согласен с Антоном Семёновичем, который утверждал, что научить ребёнка любить невозможно без воспитания в нём человеческого достоинства.

Не будем останавливаться на описании самой колонии и её деятельности — А.С. Макаренко обстоятельно и подробно рассказал об этом в своих книгах «Педагогическая поэма», «Флаги на башнях» и др. Отметим только, что руководитель сделал из неё жизнеспособное учреждение и добился коренного переустройства характеров и душ воспитанников. Многие из них, став взрослыми, прочно стоящими на ногах людьми, в многочисленных устных и печатных воспоминаниях с глубокой благодарностью и теплом

---

² Корсо — порода крупных боевых собак в Древнем Риме, ориентированных на охрану и защиту.

отзовутся о своей жизни в колонии, о её порядках и методах воспитания. Обе колонии, которыми в разное время руководил Макаренко, дали путёвку в жизнь почти четырём тысячам молодых людей с достойным образованием, с нужными для жизни и труда профессиями. Показательно, что в трагические для советской страны военные годы большинство из них будут сражаться с врагом, а вернётся с фронта лишь каждый десятый.

Но поначалу ему встретились немалые трудности. Он не обладал опытом работы с малолетними правонарушителями. Искал в литературе ответы на сложные вопросы и не находил. И на первых порах допускал, как он сам считал, непростительные ошибки. В колонию поступила свежая партия беспризорных, которые, не имея документов и будучи взрослыми, выдавали себя за малолетних, чтобы не подпасть под расстрельную статью, хотя внешний вид большинства новичков говорил о том, что они уже давно совершеннолетние. Расхристанные, в изношенной ветхой одежде и обуви, ничего и никого не боящиеся, они сразу заявили о себе, как люди бывалые, которым на всех и на всё начхать. Блатная речь, усмешливые, а то и волчьи взгляды, самокрутки и папироски в зубах — необходимые принадлежности явившейся компании. Того и гляди, и кулаки о твоё лицо почешут, и ножик не поленятся достать...

Зимней ночью колонию завалило непроходимым снегом. Зав. колонией Макаренко дал задание новичкам расчистить дорожки и наколоть дров, на что получил отказ. Один из колонистов — крупный, сильный парень — повёл себя вызывающе, мол, пошёл ты, тебе надо, ты и коли, и расчищай. При этом остальные ехидно подсмеивались, ожидая, что Макаренко испугается и покинет помещение. Он не выдержал, понимая, что без каких-то особых мер вся система воспитания колонистов примет карикатурный, если не сказать ущербный вид, наотмашь ударил парня по лицу, и тот отлетел на несколько шагов к своим дружкам. Повторил приказание и к своему удивлению увидел, как рухнула искусственная бравада «бывалых». Они вышли, вооружились топорами и лопатами и принялись за работу. Казалось бы, праздную победу, но Макаренко воспринял это как собственное несчастье — поражение педагога. И впредь не применял подобных методов.

Другой огромной проблемой колонии и её руководителя была бедность. Государство выделяло скудные средства. Колонисты часто жили впроголодь, грабили крестьян ближних деревень, а некоторые из них срывались в город, где просили милостыню либо

крали еду и деньги. И тогда Антон Семёнович принял решение поставить дело так, чтобы самим обеспечивать себя едой и одеждой. Для начала завели огород и стали выращивать овощи. Потом оборудовали загоны для свиней, коров и даже лошадей. Всё это привело к тому, что сами условия некоторого благополучия могли в большой степени держать детей в колонии и направлять их энергию в нужное русло.

Общественно полезный труд и разумное привлечение воспитанников и педагогов к соуправлению коллективом колонии, а также единство доверия и требовательности ко всем членам колонии составляли основу педагогической системы А. Макаренко. Кроме того, неизбежно соблюдался принцип одинаково ответственного отношения воспитанника к коллективу и коллектива к воспитаннику. Всё это было первейшим условием возвращения несовершеннолетних беспризорников и правонарушителей в полноценную и культурную общественную жизнь. Главное, — говорил педагог, — дисциплина, что проявляется в строгом соблюдении правил и ритуалов. Самоуправление и ядро коллектива — старшие воспитанники, которые «отёсывали» новеньких, несли ответственность за младших. В колонии царил порядок, полное послушание и принцип: что заработал, то и получил. Поощрением для колонистов было участие в самодеятельном театре, что неизменно раздражало Надежду Константиновну Крупскую. Она гневалась: «Учебнику политграмоты предпочитается драмкружок!». И настаивала на строгой проверке деятельности колонии. Безусловно, это была умная женщина, но даже умным людям нередко изменяет чувство меры и вкуса. Выступления государственного деятеля такого уровня (и такой судьбы!) не могли остаться незамеченными в начальственной педагогической среде. В колонию были направлены инспекторы, одна из них — красавица Галина Стахивна Салько — смотрела, спрашивала, интересовалась и вернулась от Макаренко его яркой защитницей. Возможно, главной причиной этого явилось то, что она без памяти влюбилась в невзрачного с виду педагога. Галина Стахивна, уже побывавшая замужем за крупным функционером украинского Наркомпроса, оставив престижную, хорошо оплачиваемую должность инспектора Наркомнадзора, последовала за ним и стала одним из воспитателей в его колонии. И сына своего Лёвочку по совету Антона Семёновича отдала в колонисты.

Пришли успехи. Появились те, кто поддерживал начинания Макаренко, и те, кто критиковал их. Поддерживали разумные,

прогрессивные люди, в их числе Максим Горький. Отрицали педагогические методы Макаренко те, кто обвиняли его в «буржуазном» подходе и ратовали за строго коммунистическую направленность учёбы. Среди последних была Н. Крупская — лидер Социалистического союза рабочей молодёжи, комсомола и Всесоюзной пионерской организации. С 1920 — председатель Главполитпросвета при Народном комиссариате просвещения РСФСР. За её труды ей была присуждена учёная степень доктора педагогических наук. Как идеолог коммунистического воспитания она безотвязно критиковала педагогическую систему Макаренко. После её выступления на съезде комсомола в мае 1928 года Антон Семёнович был отстранён от руководства колонией имени Горького.

Макаренко грозил арест. Его обвиняли в отступлении от партийных постановлений, внедрении самоуправления, называли его систему «идеологически вредной», переквалифицировав дисциплину в колонии в «жесткость и рукоприкладство». А что до критики Н. Крупской, то почти не было тех, кто мог бы не прислушаться к вдове В.И. Ленина. Спас Антона Семёновича Горький. И вместо ареста его назначили в другую колонию, в коммуну имени Дзержинского, под Харьковом. Он и здесь продолжил принятую им педагогическую линию. Из восьми лет своего существования коммуна только первый год была на содержании государства. Дальше её воспитанники зарабатывали сами на себя.

Не угомонились противники. Н. Крупская считала, что Макаренко жестокостью заставляет детей вкалывать, к тому же рушит все коммунистические принципы, касающиеся труда и собственности. Интересно, что основные принципы воспитания у Крупской и Макаренко во многом совпадали: она и он говорили о коллективизме и самоуправлении, оба ставили главной целью педагога развитие личности. Но у Макаренко эти принципы работали на детей, а у Крупской — на строительство социализма. Крупская считала, что детей нужно готовить к труду, а воспитание и образование связывала с задачами строительства нового общества и политикой партии. Макаренко же говорил: «Дети не готовятся к труду и к жизни, они живут и трудятся, мыслят и переживают, и к ним надо относиться как к товарищам и гражданам».

Процветавшая коммуна имени Дзержинского, которая несколько лет назад имела всего лишь крошечную, скудно оборудованную мастерскую, при Макаренко превратилась в мощное учебно-воспитательное учреждение. Его воспитанники учились и работали на построенных ими заводах — сначала электроин-

струментов, а затем и плёночных фотоаппаратов ФЭД³. С ФЭДом приключилась забавная и даже в какой-то мере криминальная история. Как-то коммуну посетила группа немецких воспитателей и журналистов. У некоторых из них был новенький фотоаппарат Leica (Лейка). Ловкие воспитанники, прибегнув к прошлым воровским навыкам, легко похитили у зазевавшегося гостя фотик и... Тут сказались методы воспитания коммунаров, их производственный, творческий опыт — они скоренько разобрали новую модель, сделали чертежи конструкции и вернули её владельцу. Дескать, не теряйте, пожалуйста, камрад, столь нужную и дорогую вещь. «Камрад» только сейчас спохватился, что нет фотоаппарата, и радостно благодарил таких вежливых «кнабе» (парней). А коммунары немедля приступили к выпуску улучшенного ФЭДа, будучи уверенными, что копировать — ещё не значит воровать. Ребята производили качественный товар и хорошо на нём зарабатывали. Их электросвёрла широко применялись на военных авиационных заводах, а фотоаппараты — в авиаразведке. Они же помогали малолетним воспитанникам колонии, откладывая деньги на сберкнижки её будущим выпускникам, платили стипендии бывшим колонистам, которые стали учащимися техникумов и студентами вузов, содержали собственный оркестр, театр, оранжерею...

Успехи коммуны не давали покоя наркомпросовским чиновникам. Кое-кто из них даже пытался использовать её работу в корыстных целях, в особенности если учесть, каков спрос был в то время на фотоаппараты. Макаренко резко воспротивился подобному подходу. Тут же чиновники Украинского наробраза подвергли резкой критике деятельность коммуны, пеняли ему на то, что в колонии нет комсомольцев, обвиняли в «несоветских методах» педагогической деятельности. Одна из газет опубликовала карикатуру, изобразив педагога страшилищем с окровавленными по локоть руками и подписью: «Чемпион по хулиганству». Работой коммуны заинтересовались сотрудники НКВД. Обсудили её в своих кабинетах и пришли к выводу, что ей нужно помочь.

Как-то солнечным днём в кабинет к Антону Семёновичу явились двое серьёзных, подтянутых офицеров и сообщили, что по решению руководящих органов заводы колонии с этого дня станут собственностью НКВД и будут работать круглосуточно. А все коммунары отныне — вольнонаёмные рабочие со стандарт-

---

³ Название фотоаппарата ФЭД — это аббревиатура от Феликса Эдмундовича Дзержинского.

ной зарплатой. Кроме того, предприятия пополняют кадры специалистов других харьковских заводов. Макаренко возмутился, в гневе закричал: «Мы здесь не фотоаппараты делаем, а людей!». Обращался в госучреждения, пытаясь доказать, что подобный акт разрушит всю образовательную и воспитательную систему колонии. «Ответственные лица» удивились непонятливости руководителя и понизили его в должности, определив его в помощники по педагогической части.

Макаренко звонил в Москву, разговаривал с Горьким. Писатель по своим каналам встал на защиту педагога. За строптивость и непослушание Антона Семёновича назначили в НКВД, в отдел Трудовых колоний. Но и этого военному ведомству показалось мало, и его тут же перевели в Киев будто бы «на повышение», а на самом деле из педагога превратили в чиновника. Семье Макаренко — а это был он сам, его гражданская жена Галина Стахиевна, её сын Лев и дочь брата — Олимпиада, удочерённая Антоном Семёновичем, — предоставили в Киеве трёхкомнатную квартиру с видом на Владимирский собор. И высокую зарплату. Он был аттестован, носил форму генерала НКВД и табельное оружие. И это несмотря на то, что в многочисленных анкетах он писал, что беспартийный, что его брат эмигрант, бывший белогвардеец-деникинец, а гражданская жена Галина Салько — дворянка и при чистке рядов ВКП (б) лишена партийного билета. На всё на это не обратили внимания, но потребовали официально зарегистрировать свой брак с Галиной Стахиевной, что он и сделал.

Теперь в его ведении было 12 колоний, кроме колонии Дзержинского. Он разработал концепцию перевода всех учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной опеке и перевоспитании на Украине, по созданной им раньше в Колонии имени Горького и Коммуне имени Дзержинского методике воспитания. Добивался продвижения своей концепции в практику работы детских колоний, но так и не получил необходимой поддержки. В одном из писем он признавался: «Я сделался бюрократам. И с каждым часом проникаюсь всё большей ненавистью к этой специальности».

А тут ещё пошли аресты сотрудников самого аппарата НКВД. Был арестован и его непосредственный начальник Лев Соломонович Ахматов (Ахманицкий), назвавший на допросе Антона Макаренко своим сообщником в троцкистской деятельности. Только вмешательство благоволившего Антону Семёновичу народного комиссара В.А. Балицкого, который дружил с Горьким, спасло пе-

дагога от репрессий. Балицкий приказал вычеркнуть фамилию Макаренко из протокола. А 8 мая 1937 года наркома Балицкого сняли с должности и перевели на Дальний Восток. 7 июля арестовали, а 27 ноября расстреляли.

После этого Антон Семёнович стал всё чаще задумываться о переезде в Россию. Но где бы он ни работал, чем бы ни занимался, в памяти и в душе его оставалась первая колония, которая, по сути, сделала его Педагогом. Не забывали «компетентные работники» и крупной неприятности, что случилась с Антоном Семёновичем чуть ранее, которая стоила ему немалых сил и здоровья. 5 октября 1936 года его пригласили в родную коммуну на встречу с воспитанниками. В своей речи он произнёс слова, которые стали для него роковыми: «Все мы работаем под руководством товарища Сталина. И даже если товарищ Сталин допустит тысячу ошибок, мы всё равно должны идти за ним». Позже И. Сталин прочитает и похвалит «Педагогическую поэму», хотя и назовёт «сказками» его литературные труды. А за педагогические достижения подскажет Президиуму Верховного Совета СССР наградить Макаренко Орденом Трудового Красного знамени. А тогда особо бдительные лица сказанную Антоном Семёновичем в душевном порыве фразу расценили как недопустимую иронию в отношении Вождя и покушение на советский строй. Его тут же окрестили «контрреволюционером», стали обличать, писать доносы. И только участие в его жизни Максима Горького, который имел связи с НКВД, отводило беду.

Какое-то время он томился, занимая неестественную для себя, для своего опыта и характера должность. Искал выход из создавшегося положения и, промучившись два года без любимой работы, обратился к Горькому, чтобы тот помог уйти в отставку и переехать в Москву. Алексей Максимович и его личный секретарь П. Крючков живо откликнулись на просьбу педагога, и в 1937-м Антон Семёнович и его семья перебрались в столицу. К тому времени он уже был членом Союза писателей СССР и поселился в писательском доме в Лаврушинском переулке. Он продолжил литературную деятельность, вместе с женой Галиной Стахивной закончил «Книгу для родителей», много и успешно писал, читал лекции педагогам и студентам московских вузов, сотрудничал на радио. Только всё это не могло заменить ему педагогической деятельности, которой было отдано столько лет. Тут и настиг его инфаркт.

Разные источники по-разному описывают его смерть. Мы остановимся на этом. 1 апреля 1939 года Антон Семёнович, кото-

Памятник на могиле
А.С. Макаренко
на Новодевичьем кладбище.

рый тогда жил в подмосковном Доме творчества писателей в Голицыно, повёз в Москву сценарий фильма «Флаги на башнях», созданный совместно с кинорежиссёром, актрисой М.А. Барской (1903–1939) по его одноимённой повести. В поезде он почувствовал себя плохо. Еле слышно проговорил: «Я Макаренко». Прилёг на скамейку и умер. Позже стало известно — от разрыва сердца. Был ему 51 год.

Проститься с тем, кто, будучи совсем юным, стал учителем и остался верен детям навсегда, прибыли многие его выпускники. Похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище.

Несколько слов о его семье и близких родственниках. Жена, Галина Стахивевна (1891–1962), крайне тяжело переживала уход из жизни мужа и не смогла прийти на похороны. После смерти мужа она стала цензором и редактором его книг. Своих детей у Макаренко не было, на похороны пришли приёмные дети — Олимпиада (1920–1983) и Лев (1914–1957). Лев, о котором Антон Семёнович так отзывался: «Культурен, честен, имеет большие способности... Будет инженером. В руках у него работа лучше спорится, чем в тетради» — стал инженером — испытателем самолётов, а также был занят конструкторско-исследовательской работой. Олимпиада — жена поэта, журналиста, военного корреспондента Сергея Васильева, мать журналистки-международника Галины Сергеевны Васильевой, народной артистки РСФСР Екатерины Сергеевны Васильевой и Антона Сергеевича Васильева — кинорежиссёра, сценариста, поэта.

Окончание следует